

для комбинаторных сопоставлений. Такой оптимистический взгляд на перспективы дешифровки уже нашел свое подтверждение: Вентрис и Чадвик, работающие над крито-микенскими надписями, достигли настолько значительных успехов, что крито-микенское линейное письмо *B* можно считать в основном прочитанным (язык текстов оказался греческим, и они в общем понятны).

В книге И. Фридриха имеются и некоторые мелкие погрешности и опечатки. На стр. 28: вместо Саргон I следует читать просто Саргон, или Саргон Аккадский (Саргон I — ассирийский царь); там же: то, что сказано о Гудеа, нужно отнести к царям III династии Ура; там же: находка стелы с законами Хаммурапи должна быть датирована 1901 годом, а не 1903 (в 1902 г. эти законы уже были прочитаны Шейлем и опубликованы); на стр. 33: устаревшее чтение $d^{\text{š}}ar-ga-ni-šar-alim$ надо заменить чтением $d^{\text{š}}ar-kà-li-šàr-rí$; на стр. 60: после идеограммы LU. UL \dot{U} LU пропущено окончание *-an*, о котором идет речь на стр. 61; на стр. 64: следует читать *aš-ka-aḫ-ḫi-ir* (*šir* — опечатка; должно быть *ir*).

К сожалению, слишком кратким получилось у И. Фридриха описание интерпретации урартского языка. Автор не отметил здесь ни собственных заслуг, ни вклада советских ученых. Напрасно также в параграфе, посвященном хурритскому языку, обойдены имена Гетце и Шнайзера¹.

Хорошо было бы также расширить библиографию. В настоящем своем объеме она может оказаться недостаточной для того, кто всерьез заинтересуется прочитанным материалом и захочет получить более обширные и детальные сведения. Между тем все, что связано с дешифровкой и интерпретацией, само по себе очень интересно, а в отличном изложении И. Фридриха может вызвать у читателя желание углубиться в эту область.

В заключение нельзя не сказать, что, как справедливо отметил автор одной из рецензий, книга И. Фридриха представляет собой именно такую научно-популярную книгу, какую специалисты бывают рады видеть в руках широкого читателя. Поэтому хочется пожелать, чтобы она была возможно скорее переведена на русский язык.

И. М. Дунаевская

H. Sten. Les temps du verbe fini (indicatif) en français moderne. («Historisk-filologiske Meddelelser af det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab», bd. 33, № 3).— København, 1952, 264 стр.

Среди работ, посвященных описанию временной системы современного французского языка, книга датского романиста Х. Стэна заслуживает особого внимания как с практической, так и с теоретической точки зрения. В отличие от облегченных, сугубо утилитарных пособий типа книги Сансина «Употребление времен во французском языке»², работа Стэна дает наиболее полное представление о функционировании временных форм индикатива, куда автор относит также формы *conditionnel*. Большой фактический материал укладывается в 12 главах, посвященных отдельным временным формам (в том числе сверхсложным) и перифразам с глаголами *aller* и *venir de*.

По форме это очень удачное описание, своего рода коллекция, где собраны как наблюдения самого автора над языком новейшей французской прозы, так и отдельные примеры, разбросанные в работах других языковедов, в первую очередь — французских.

В своем изложении Стэн исходит из того реального факта, что грамматическое время (*tense*) не совпадает с *time*, т. е. со временем, исчисляемым от момента речи говорящего. Для обозначения времени действия относительно с моментом своей речи говорящий использует не столько глагольные формы, сколько «слова вроде *hier*, *bientôt*, указания на дату и т. д. Как раз благодаря разного рода обстоятельству словам возможна крайняя беззаботность в соблюдении соответствия между *tense* и *time*» (стр. 7).

¹ Что касается адресованных И. Фридриху упреков в том, что он не раскрывает полифонического характера аккадских клинописных знаков (см. H. J e n s e n — «Orientalistische Literaturzeitung», Berlin, 1955, № 7) или, наоборот, преувеличивает их полифонический характер [см. H. P a p e r — «Language», vol. 31, № 1 (part 1), 1955], то они кажутся мне необоснованными: на стр. 38 вполне понятно и точно разъяснено, что знаки аккадской клинописи могут иметь по несколько идеографических и слоговых чтений, и приведены соответствующие примеры.

² H. S e n s i n e, L'emploi des temps en français, Paris, 1935.

В своей рецензии на указанную книгу Р. Л. Вагнер к числу ее достоинств относит положение Стэна, согласно которому «временное значение чаще вытекает из столкновения лексического значения глагольной формы и вспомогательных средств [mots gèrères (*depuis, avant que* etc)] с глагольной формой, нежели из глагольной формы самой по себе»¹. Благодаря этому положению автор не связан обычной схемой, в соответствии с которой составители учебников а priori зачисляют ту или иную форму в «прошедшие» или «настоящие» времена, так что дальнейшие усилия неминуемо оказываются направленными на перечисление многочисленных «исключений». Все это позволяет Стэну смелее указывать на так называемые «несобственные значения» форм: например, *présent* и *futur* очень часто употребляются для обозначения фактов прошлого [*Quand le virtuose se rend en Russie, c'est sur la recommandation de Balzac. Imprudence dont Balzac se repentira* (стр. 62)]; *passé composé* и *imparfait*, наоборот, могут указывать на действия в «будущем» [*Tu me casses les oreilles. — J'ai bientôt fini* (стр. 190); *L'entrement avait lieu dans une heure* (стр. 136)].

Книга Стэна неоднократно заставляет читателя усомниться в правильности многих традиционных предположений. После ознакомления с фразой из Валери *si tu seras éternel, tu seras donc mortel* (стр. 67)—запрещение *futur* после *si* не выглядит уже таким категорическим.

Во многом соглашаясь с традиционными правилами «согласования времен», автор считает, однако, своим долгом указать на многочисленные примеры, где эти правила игнорируются. Тем самым подвергается сомнению синтаксический критерий установления значения времени, сформулированный в книге Дамурета и Пишона², и косвенно подкрепляется известное утверждение Ф. Брюно о том, что «согласование времен» можно изложить в одной строчке: такового нет.

Различные особенности контекста, окружающего глагольную форму, становятся у Стэна своеобразным опытным полем, в котором форма выявляет свои возможности. Автор учитывает при этом союзы, порядок следования глаголов, совместное употребление форм, синтаксис и, наконец, своеобразие содержания глагола. Автор не ограничивается теми случаями, где форма выступает только как средство обозначения времени. Большое место уделяется особым случаям стилистического и модального употребления временных форм. Сюда относятся, например, *futur d'ordre* [*Tu tireras sur les avions* (стр. 57)], *futur de supposition* [*il aura encore sa migraine* (стр. 61)], *futur* и *imparfait de discrétion* [*Je ne te cacherais pas que...* (стр. 61)]. *Je voulais vous demander, ... mais je ne sais comment le dire* (стр. 169)]; *imparfait modal* [*s'il venait ici, s'il était ici demain* (стр. 137)] и т. д.

Большое внимание автор уделяет тончайшим оттенкам значения, разного рода «курьезам» и «исключениям из правил» в употреблении временных форм. Случаи вроде *C'est Pitteaux qui vous envoie...* *Oui, c'est Pitteaux qui m'a envoyé* (стр. 31); *Je ne mettra plus* (стр. 60); *Secours aux noyés* (стр. 25) и т. п. встречаются очень редко и обычно остаются незамеченными. Снабженные в книге Стэна поясняющими комментариями, они обогащают представление читателя об употреблении глагольных форм, заставляют задуматься над их интерпретацией.

Толкование семантических связей между различными контекстными «эффектами» какой-либо формы в книге Стэна нельзя признать строго обоснованным, однако автору совершенно чуждо тенденциозное описание фактов. Во всем этом нельзя не видеть положительного момента концепции автора. Книга Стэна гораздо богаче материалом, чем, например, соответствующие главы «Мысли и языка» Ф. Брюно³, где разнообразные случаи употребления форм времени рассматриваются только с точки зрения потребности «мысли» выразить отношение действия к моменту речи. Премущество книги Стэна заключается в подробном анализе всех аспектов употребления каждой формы времени.

Однако различие между книгой Стэна и соответствующими главами книги Ф. Брюно является скорее практическим, чем теоретическим. Теоретически, т. е. в плане установления собственной природы глагольной формы времени, книга Стэна находится в общем русле работ, отрывающихся от потребности говорящего обозначать время действия соотносительно с моментом речи и стремящихся анализировать грамматические формы времени в совокупности с неизбежным при этом контекстом [который именуется у Ф. Брюно «внешними средствами» («moyens extrinsèques»), а у Бюффэна— «диссоциированными формами» («formes dissociées»)]⁴.

¹ См. R. L. Wagner, [Рец. на кн.:] H. Sten, Les temps du verbe fini (indicatif) en français moderne, Copenhague, 1952, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», 1952, t. 48, fasc. 2, (№ 137), стр. 61.

² J. Dauriette et E. Pichon, Essai de grammaire de la langue française, vol. V, Paris, 1911—1936.

³ F. Brunot, La pensée et la langue, Paris, 1922.

⁴ См. J. M. Bufféna, Remarques sur les moyens d'expression de la durée et du temps en français, Paris, 1925.

Такой подход к проблеме вполне правомерен. Это, с одной стороны, побуждает изучать формирование понятия о времени¹ и длительности, а с другой стороны, позволяет ставить вопрос о сферах языкового общения, характеризующихся разным использованием системы времен². Одно из возражений против подобного подхода заключается в том, что грамматические формы времени прививаются в этом случае до уровня прочих, окказиональных контекстных средств, перестают быть главным объектом исследования, и тем самым вопрос об их собственном грамматическом значении фактически снимается.

Стэн, как уже упоминалось, не претендует на постановку вопроса о собственных грамматических значениях временных форм. Заслуга автора состоит в том, что, исследуя обширный материал, он подробно раскрывает содержание таких семантических «категорий», как, например, *présent scénique*, *présent* и *imparfait inclusifs*, устанавливает сходство смысловых оттенков у *présent*, *futur*, *imparfait* и указывает на причины возникновения некоторых из них, как, например, оттенка «попытки» (*Praesens, Futurum* и *Imperfectum de sonatu*): [*Il se pâme, Il rend l'âme, Il réclame un abbé* (стр. 26); *Je ne tueraï plus* (стр. 60); *Il se noyait* (стр. 25)]. Объясняя это явление, Стэн использует распространенное в литературе деление глаголов на «перфективные» и «неперфективные». Возражение при этом вызывает не сам факт «взаимодействия» между формой времени и характером обозначаемого глаголом действия, а его истолкование. Многочисленные оговорки относительно условности деления глаголов на «перфективные» и «неперфективные» и частые ссылки на контекст заставляют предполагать, что Стэн имеет в виду не лексическое значение глагола, а те отдельные действия и состояния, которые глагол обозначает в контексте [ср.: *jouer au bridge* «играть в бридж» — неперфективное действие, но *jouer un tour* «сыграть шутку» — перфективное действие (см. стр. 9)]. Безразличность, с которой Стэн употребляет выражения «значение глагола» и «действие глагола», укрепляет в этом предположении. В данном случае, как и в некоторых других, ценность представляют не столько комментарии автора, сколько приведенные им любопытные факты, которые еще ждут своего истолкования.

Книга Стэна не претендует на разрешение проблемы значения грамматического времени. Тем не менее содержащийся в ней обширный языковой материал, при объективности его описания, является существенным вкладом в разрешение этой проблемы.

Ю. С. Мартемьянов

¹ См., например, E. Koschmieder, *Zeitbezug und Sprache. Ein Beitrag zur Aspekt- und Tempusfrage* («Wissenschaftliche Grundfragen», XI), Leipzig und Berlin, 1929.

² См.: J. M. Buffin, указ. соч.; F. Strohmeyer, *Das Passé simple und das Passé composé im modernen Französischen*, «Die Neueren Sprachen», N. F., Frankfurt a. M.—Berlin—Bonn, 1953, Heft 11.